

Узелки памяти. Деятельность отечественных психологов в военные годы

Ж.М. Глозман

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 30 мая 2020 / Принята к публикации: 6 июня 2020

Memory knots. Work of Russian psychologists in the war years

Janna M. Glozman

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received May30, 2020 / Accepted for publication: June 6, 2020

Актуальность (контекст) тематики статьи. 75 лет прошли после окончания Великой Отечественной Войны. Что и из каких источников мы знаем о ней? Что мы знаем о жизни и деятельности наших учителей в годы ВОВ?

Цель исследования: рассказать о профессиональной деятельности выдающихся психологов, будущих профессоров факультета психологии МГУ в годы ВОВ.

Описание исследования. В статье описывается профессиональная деятельность известных отечественных психологов (А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, А.В. Запорожца, Б.В. Зейгарник и др.) по реабилитации раненых бойцов Советской Армии и проанализировано значение этой работы для развития психологической науки и формирования менталитета современных психологов из разных стран. Рассказывается о работе этих замечательных ученых в тыловых эвакуационно-восстановительных госпиталях: в госпитале, организованном А.Р. Лурия на базе санатория в деревне Кисегач вблизи г. Челябинск на Южном Урале, а также в госпитале в деревне Коуровка около г. Свердловска (ныне Екатеринбург), научным руководителем которого был А.Н. Леонтьев. Показано, как в Кисегаче решали проблемы нарушения когнитивных функций раненых бойцов, а в Коуровке занимались восстановлением двигательных функций. Подчеркивается, что, наряду с огромной практической деятельностью, психологами велась значительная теоретическая работа, в которой обобщались и анализировались результаты практики.

Рассказывается о том, как сегодня психологи всего мира ценят вклад наших отечественных психологов, трудившихся в военные годы, и чтят их память.

Описывается проведение V Международного Конгресса памяти А.Р. Лурия, посвященного 115-летию со дня рождения и 40-летию со дня смерти Александра Романовича Лурия.

Заключение — Работы психологов МГУ в годы ВОВ оказали значительное влияние на развитие психологической науки. На основе исследования процессов реабилитации была сформирована впоследствии теория деятельности А.Н. Леонтьева, а также на практике было доказано, что анализ нарушений психического функционирования невозможен без системного подхода к выявляемым фактам.

Выводы. Узелки памяти не только обеспечивают преемственность поколений, но и становятся для каждого из нас опорами в понимании смысла и значимости деятельности Психолога.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, психологи, эвакогоспитали, связь науки и практики, V Международный Конгресс памяти А.Р. Лурия.

Background. 75 years passed after the Second World War finished. What do we remember about these years? What are the sources of our memories? What do we know about the life and activity of our teacher in psychology?

The Objective of the paper is to analyze the professional activity of the famous psychologists, future professors of the Moscow State University Psychology Department during the Second World War.

Design. The paper describes the professional activity of famous Russian psychologists (A.R. Luria, A.N. Leontiev, P.Ya. Halperin, A.V. Zaporozhets, B.V. Zeigarnik and others) aimed to rehabilitation of brain damaged Russian soldiers. The value of this work for the development of the psychological science and for the mentality of psychologists all over the world is underlined.

The work of the remarkable scientists in the rear evacuation recovery hospitals is described: in a hospital organized by A.R. Luria at the sanatorium in the village of Kisekach near the city of Chelyabinsk in the Southern Urals, as well as in the hospital in the village of Kourovka near Sverdlovsk (now Yekaterinburg), whose supervisor was A.N. Leontiev. It is shown how in Kisekach they solved the problems of cognitive impairment in wounded soldiers, and in Kourovka they were engaged in the restoration of motor functions. It is emphasized that, along with enormous practical activity, psychologists conducted significant theoretical work, in which the results of practice were generalized and analyzed.

The paper informs the reader about today's psychologists around the world and how they appreciate the contribution of Russian psychologists who worked during the World War II and honour their memory. The V International Congress in memory of A.R. Luria, dedicated to the 115th anniversary of the birth and 40th anniversary of the death of Alexander Romanovich Luria.

Conclusion. The knots of memory do not only unite the generations but also become a fulcrum for all of us in understanding the personal sense and value of the Psychological Activity.

Based on the study of rehabilitation processes, Leontyev's theory of activity and psychological practice proved that the analysis of mental functioning disorders is impossible without a systematic approach to the facts revealed.

Keywords: Second World War, psychologists, rehabilitation hospitals, interrelations of research and practice, V International Congress in Memory of Luria.

75 лет прошли после окончания Великой Отечественной Войны. Что и из каких источников мы знаем об этих страшных годах? Почти все ныне живущие психологи были тогда детьми. Наши представления об этом времени, в основном, строятся на рассказах мам и бабушек о тяготах многодневной эвакуации с грудными детьми в теплушках, о трудностях с питанием, о вое сире-

нынешние студенты их знают только по публикациям в психологической литературе. Случайно ли, что, вернувшись с фронта, они стали изучать психологию и затем заниматься педагогической и научной деятельностью в психологии? А как война прошла через жизнь тех наших учителей, которые к моменту начала ВОВ были уже квалифицированными и известными психологами?

75 лет прошли после окончания Великой Отечественной Войны. Что и из каких источников мы знаем об этих страшных годах? Почти все ныне живущие психологи были тогда детьми. Наши представления об этом времени, в основном, строятся на рассказах мам и бабушек о тяготах многодневной эвакуации с грудными детьми в теплушках, о трудностях с питанием, о вое сирены в метро во время бомбежек

ны в метро во время бомбежек. Бесценным источником для их создания являются письма отца с фронта (Глоzman, 2015). Какие узелки памяти хранятся в моей голове с детства? Незнакомый мужчина в форме и слова мамы: «Это твой папа». Его брат, катающий меня в 1946 году на спине, испещренной рубцами и выемками – следами пуль. Пустой рукав другого родственника, заправленный в брючный ремень. Стыд произнести слово «папа» при подруге, отец которой не вернулся с войны ...

Помним, как это было

Одной из важнейших научно-практических задач, решаемых психологами в ходе Великой Отечественной войны, являлось восстановление утраченных или нарушенных психических функций в результате огнестрельного поражения мозга и периферической нервной системы, т.е. восстановление боеспособности и трудоспособности раненых бойцов (Егоренкова, 2015). Главным хирургом Армии был

Наибольшее число психологов трудилось над решением задач восстановления бойцов после военных травм в госпитале, организованном А.Р. Лурия на базе санатория в деревне Кисегач вблизи г. Челябинск на Южном Урале), а также в госпитале в деревне Коуровка около г. Свердловска (ныне Екатеринбург), научным руководителем которого был А.Н. Леонтьев, и в госпитале в г. Тбилиси в Грузии, научными консультантами которого являлись Б.Г. Ананьев и Д.Н. Узнадзе

Другие узелки памяти у нас – уже студентов создавали стенды ветеранов ВОВ, которые нам читали лекции, принимали экзамены, писали книги, по которым мы учились, и, которые, оказывается, еще и героически сражались на фронте. Увы,

Н.Н. Бурденко, прежде возглавлявший Московский институт нейрохирургии, носящий теперь его имя. С 1937 по 1939 гг. там работал ординатором после окончания 1-го Московского медицинского института А.Р. Лурия.

Жанна Марковна Глоzman –

доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории нейропсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, научный руководитель Научно-исследовательского центра детской нейропсихологии имени А.Р. Лурия
E-mail: glozman@mail.ru
psy.msu.ru/people/glozman.html
ORCID ID 0000-0006 865 856

Основными центрами, где психологами осуществлялась эта работа, были тыловые эвакуационно-восстановительные госпитали, организованные под руководством Н.И. Гращенкова – директора неврологической клиники Всесоюзного Института экспериментальной медицины (ВИЭМ) – ныне институт неврологии АМН. С 1939 по 1941 гг. А.Р. Лурия возглавлял в ВИЭМ лабораторию экспериментальной психологии.

Наибольшее число психологов трудилось над решением задач восстановления бойцов после военных травм в госпитале, организованном А.Р. Лурия на базе санатория в деревне Кисегач вблизи г. Челябинск на Южном Урале (рис. 1, 2), а также в госпитале в деревне Коуровка около г. Свердловска (ныне Екатеринбург), научным руководителем которого был А.Н. Леонтьев, и в госпитале в г. Тбилиси в Грузии, научными консультантами которого являлись Б.Г. Ананьев и Д.Н. Узнадзе. Благодаря усилиям и поистине героической работе в тяжелейших условиях психологов и врачей, несколько тысяч раненых бойцов были возвращены в ряды Красной Армии и/или к трудовой деятельности.

Рис. 1. Мемориальная доска в санатории Кисегач

Как писал А.Р. Лурия, «каждый из нас должен был найти место в этой борьбе – или непосредственно защищая свою страну, или работая в оборонной промышленности, которая была эвакуирована в отдаленные районы страны, или восстанавливая здоровье и трудоспособность раненых. Моему коллективу предстояло выполнить последнюю задачу» (Лурия, 1982, с. 129).

Из официальной автобиографии Леонтьева: «В годы 1942–1944 я переключился

чился на работу, которая была подсказана требованиями войны: организовал опытный восстановительный госпиталь под Свердловском (ЭГ 4008), был назначен его руководителем (точнее, научным руководителем. – авт.) и развернул по заданию Государственного Комитета Обороны исследовательскую работу по психофизиологическим и психологическим проблемам восстановления функций после ранения ...» В неотосланном письме С.Л. Рубинштейну от 10 апреля 1943 г. Леонтьев пишет об этом госпитале: «Дни его жизни оказались плодотворны как годы. Я не умею говорить о нем без пафоса, за него я буду стоять “на смерть” – hier stehe ich, как говорил Лютер!» (цит. по А.А. Леонтьев, 2003). А.Н. Леонтьев назвал эвакуогоспиталь в Коуровке «наша “Восстановительная поэма”» (там же).

Госпитали в Кисегаче и в Коуровке имели разную направленность. В Кисегач, в первую очередь, поступали солдаты с нарушениями когнитивных функций, а психологи в Коуровке (А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец, П.Я. Гальперин и др.) занимались восстановлением двигательных функций.

Алексей Николаевич был научным руководителем эвакуогоспиталя в поселке Коуровка. Экспериментальными лабораториями руководил А.В. Запорожец, а начальником медицинской части был П.Я. Гальперин. Все эти психологи в то время были сотрудниками Научно-исследовательского института психологии МГУ. Вместе с ними работали и другие сотрудники МГУ: Т.О. Гиневская, А.Г. Комм, Я.З. Неверович, а также доцент Свердловского педагогического института, впоследствии известный психодиагност В.С. Мерлин. Эти исследования основывались на учении Л.С. Выготского о системном характере психофизиологических функций и на концепции Н.А. Бернштейна о физиологии активности и построении движения (Рубинштейн, 1989, Ждан, 2015). «Утвердившиеся в довоенной отечественной психологии теоретические положения и подходы позволили ей во время войны сразу включиться в практическую деятельность по восстановлению трудоспособности раненых воинов Советской Армии (Зейгарник, Рубинштейн, 2020, С. 78). Системное понимание дефекта требовало и системного подхода к его реабилитации – как к сложному про-

Рис. 2. Аллея памяти в санатории Кисегач

цессу последовательной компенсации и восстановления афферентационных механизмов движений больного, связанному с перестройкой его установок и мотивов поведения. То есть, «для того, чтобы успешно восстановить функцию органа, нужно восстановить деятельность самого человека, снять мешающие ему уста-

не может по инструкции свести концы указательного и большого пальцев больше, чем на 10–15 мм, но тотчас же вслед за этим относительно легко поднимает ими со стола карандаш). В таком случае, управляя мотивами человека, возможно управлять его деятельностью. Леонтьев и Запорожец также показали, как пере-

Системное понимание дефекта требовало и системного подхода к его реабилитации – как к сложному процессу последовательной компенсации и восстановления афферентационных механизмов движений больного, связанному с перестройкой его установок и мотивов поведения

новки, организовать и направить его активность» (Леонтьев, Запорожец, 1945, С. 6). В своей работе с Запорожцем Алексей Николаевич впервые сформулировал задачу «восстановительного воспитания, воздействующего на личность больного» (там же, С. 224). В исследованиях авторы продемонстрировали, что, если перевести деятельность по реализации двигательных актов на другой уровень ее осуществления – отвлечь внимание больного от самого процесса движения, а движение включить в хорошо автоматизированные предметные действия, то это значительно увеличивает эффективность восстановления. Например, больной не может поднять руку и взять стакан по инструкции, но успешно осуществляет это действие, когда хочет пить, или больной с ограничением движений в кисти

включение движений на новый уровень интеграции (от проприоцептивно-организованного действия – «поднимите руку, как можно выше» – к пространственно-организованному – «поднимите руку до цифры на экране» или «возьмите предмет») существенно повышает объем и координированность движения. Обобщенные иллюстрации этого из книги А.Н. Леонтьева и А.В. Запорожца 1945 г. выпуска приводятся во всемирно известной книге А.Р. Лурия «Восстановление функций мозга после военной травмы» (Лурия, 1948).

Как показали исследования, такого рода системные изменения и перестройки наиболее адекватно осуществляются в процессе специально организованной осмысленной предметной деятельности больного (а не в условиях популярной

Восстановительный эффект в значительной мере зависит от мотивов, задач и способов этой деятельности. На основе полученных данных были разработаны новые эффективные методы трудотерапии и лечебной физкультуры, которые широко использовались в медицинской практике эвакуогоспиталей и сыграли большую роль в восстановлении боеспособности и трудоспособности раненых бойцов

в то время «механотерапии»). Причем восстановительный эффект в значительной мере зависит от мотивов, задач и способов этой деятельности. На основе полученных данных были разработаны новые эффективные методы трудотерапии и лечебной физкультуры, которые широко использовались в медицинской практике эвакуогоспиталей и сыграли большую роль в восстановлении боеспособности и трудоспособности раненых бойцов.

Проанализируем теперь деятельность эвакуогоспиталя № 3120 в Кисегаче. В первые месяцы войны А.Р. Лурия было поручено организовать и обеспечить деятельность тылового восстановительного госпиталя нейрохирургического профиля. Выбор Н.И. Гращенкова был не случаен. С 1937 по 1941 гг., работая в Харькове и в Москве, Лурия уже создал свою батарею нейропсихологических тестов, описал синдромы афазии, ставшие темой его диссертации доктора медицинских наук, успешно защищенной в 1944 г. (звание доктора психологических наук Александр Романович получил в 1929 году за исследование человеческих конфликтов).

Возглавив группу из 30 научных сотрудников, в состав которых входили Б.В. Зейгарник, С.Я. Рубинштейн, Э.С. Бейн, О.П. Кауфман, А.В. Запорожец (через год переехавший в Коуровку), С.Г. Геллерштейн, Лурия выехал на Южный Урал. В 1926 году на этой территории была открыта первая на Южном Урале здравница – санаторий «Кисегач». Накопленный к началу 40-х годов прошлого века опыт лечебной работы на основе природных лечебных факторов курорта оказался полезным в лечении раненых бойцов Советской армии в нейрохирургическом госпитале. Лурия вспоминал: «Я выбрал для этой цели недавно открытый санаторий на 400 мест в маленькой деревне Кисегач близ Челябинска. Все помещения санатория были переоборудованы для терапевтического лечения и восстановительной работы и уже через месяц я с группой моих бывших московских сотрудников

начал работать в госпитале ... Госпиталь был скромно оборудован нейрофизиологическими приборами, нейрохирургической аппаратурой и аппаратурой гистологической лаборатории. В таких условиях нам приходилось ставить диагнозы и лечить самые разнообразные нарушения психических функций, начиная с дефектов ощущений, восприятия и движения до нарушений интеллектуальных процессов. Выручала наша преданность делу» (Лурия, 1982, С. 130). Санаторий «Кисегач» был выбран для лечения и реабилитации военнослужащих не случайно – расположение между двумя живописными озерами Теренкуль и Большой Кисегач, большое количество солнечных дней, обширный лесной массив Ильменского заповедника, минеральные источники, чистейшие воздух и озерная вода.

В первом корпусе санатория находилась операционная и кабинеты реабилитации (рис. 3, 4).

Рис. 3. Послеоперационная палата

Рис. 4. Первый корпус санатория.

Сейчас на стене 1-го корпуса висит мемориальная доска, посвященная А.Р. Лурия (рис. 5)

Рис. 5. Мемориальная доска на стене первого корпуса санатория

Вместе с Лурия приехали его жена Лана Пименовна Липичина и 4-х летняя дочка Елена (рис. 6, 7).

Рис. 6. Семья Лурия перед отъездом в Челябинск. Июль 1941 г.

Рис. 7. Семья Лурия у домика в Кисегаче, где они жили. 1943 г.

Все члены семьи принимали активное участие в работе госпиталя. Лана Пименовна (микробиолог, доктор наук) делала анализы в лаборатории госпиталя, а маленькая Леночка помогала раненым.

Вспоминает Елена Александровна Лурия: «В Кисегаче мы жили в маленьком деревянном доме на горе. Зима пришла снежная и холодная. Я сидела на кухне возле печки и смотрела как Оля (няня, всю жизнь жившая в семье Лурия, – Ж.Г.) готовит

обед из сушеной картошки: сморщенных серо-коричневых кружков, нанизанных на нитку и похожих на сушеные грибы. В кастрюльке булькает вода, и когда Оля снимает крышку, оттуда подымается пар. В доме есть немножко крупы, и суп получился очень вкусный. Я уже позабыла, что мы ели на обед в Москве, и все кажется, вкусным ...» (Лурия Е.А., 1994, С. 112). «Начиная с весны, Оле и мне не давали покоя чирьи: то на ногу вскочит, то под мышкой, а иногда и сразу несколько. В госпиталь ходили: врач сказал, от малокровия, назначил ходить в грязелечебницу, где специальной лечебной грязью лечат. В грязелечебнице было очень интересно и удивительно чисто: белые топчаны под простынями, стеклянные шкафчики с какими-то блестящими коробочками, ножницами, стаканчиками. Походили туда, и, правда, лучше стало ... В госпитале на большом столе разложили карту, прикрепили ее кнопками, а линию фронта отметили маленькими красными флажками на булавах. Слушали радио, и когда приходили сводки с фронта об освобождении новых сел и городов, флажки передвигали западнее – влево: «Смотрите, ребята, освобождается земля наша!» Раненые бойцы, кто мог хоть как-то ходить, забинтованные, на костылях, долго простаивали около карты: переговаривались, спорили и верили, что уже скоро победа. «Меня вот здесь ранило», – высокий худой боец с забинтованной головой показал место на карте ...» (там же, С. 114).

Несмотря на огромную практическую нагрузку и бытовые трудности, в госпитале кипела научная деятельность. Можно выделить четыре круга вопросов, которые нашли отражение в трудах сотрудников госпиталя в Кисегаче:

1. Изучение нарушений самосознания, контроля и организации психической деятельности при поражениях мозга. Были описаны некритичность, нарушение трудовой установки у больных после огнестрельных ранений лобных структур мозга. Данные этих исследований послужили, в частности, материалом для известного труда А.Р. Лурия «Травматическая афазия» (Лурия, 1947) и работы Б.В. Зейгарник «Нарушение спонтанности при военных травмах лобных долей мозга» (Зейгарник, 1949).

Наблюдения за процессом трудового обучения раненых и кратковременные (за год-два) катамнестические сведения об их судьбах после выписки (с больными была организована переписка) позволили выявить некоторые типичные симптомы нарушений, не обозначенные в клинических диагнозах, но проявлявшиеся в их труде и жизни

2. Изучение соотношения функционального и органического факторов при поражении мозга. Так, на материале реактивной постконтузионной глухоноты Б.В. Зейгарник показала, что постконтузионная глухонота является частично реактивно обусловленной даже при тяжелых поражениях мозга.
3. Разработка методов и принципов восстановления речевых функций, гнозиса и праксиса, в том числе направленных психологических способов восстановления и изменения установок личности (Лурия, 1948; Бейн, 1964).
4. Восстановление двигательных функций и трудоспособности раненых при выполнении действий, направленных на решение предметной и имеющей для больного смысл задачи, определяемых личностными установками человека. Для этого под руководством А.В. Запорожца, С.Г. Геллерштейн и С.Я. Рубинштейн были организованы хорошо оборудованные мастерские (столярная, слесарная, сапожная, портняжная) а также курсы обучения счетоводству, поварскому делу и письму левой рукой. Конструировались и тут же изготавливались особые приспособления для удерживания инструмента больной, полупарализованной рукой. Движения больной, пораженной руки успешнее восстанавливались при содружественных трудовых действиях двумя руками (Запорожец, Рубинштейн, 1942). Наблюдения за процессом трудового обучения раненых и кратковременные (за год-два) катамнестические сведения об их судьбах после выписки (с больными была организована переписка) позволили выявить некоторые типичные симптомы нарушений, не обозначенные в клинических диагнозах, но проявлявшиеся в их труде и жизни (Рубинштейн, 1949). Одним из таких симптомов была крайне быстро наступающая общая истощаемость при выполнении любых видов деятельности.

Рис. 8. Фотография с Аллеи Памяти санатория Кисегач. А.Р. Лурия и С.Г. Геллерштейн.

«В трудных условиях военного времени было создано образцовое лечебно-восстановительное учреждение» (Зейгарник, Рубинштейн, 2020, С. 77).

Несмотря на тяжелейшую практическую работу в военных условиях, оба госпиталя стали подлинными научными центрами со всеми их атрибутами: с научными конференциями (внутренними и зональными, как например, конференция невропатологов и психиатров Уральского военного округа в 1943 г, совместная конференция института психологии МГУ и ВИЭМ в 1944), с многочисленными публикациями. Только в списках литературы двух книг А.Н. Леонтьева и А.Р. Запорожца (1945) и А.Р. Лурия (1948) имеются ссылки более чем на 30 публикаций психологов этих двух госпиталей в военные годы, в том числе и совместные публикации сотрудников двух госпиталей (Запорожец, Рубинштейн, 1942). Материалы научной деятельности психологов в годы ВОВ опубликованы в «Ученых записках МГУ» за 1947 г. (Психология. Вопросы восстановления ..., 1947).

А.Н. Ждан (Ждан, 2015, С. 7, 8) выделяет 4 основных направления этой деятельности:

1. Вопросы теории пластичности, компенсации, восстановления;
2. Проблема восстановления движений и чувствительности (итоги работы в восстановительном госпитале в Коуровке).
3. Проблемы восстановления речевых и познавательных процессов после травм коры головного мозга (итоги

работы восстановительного госпиталя ВИАМ в Кисегаче)

4. Практические вопросы трудотерапии, трудоустройства, трудового устройства инвалидов.

Участникам конгресса была предоставлена уникальная возможность посетить Кисегач, провести там мемориальное заседание, пройти по Аллее Памяти, по берегу озера – тем местам, которые еще хранят память о наших великих Учителях. А ночь в первом корпусе, где был эвакуогоспиталь, где сейчас, кроме палат санатория, сохраняется бывшая послеоперационная палата, а в музее санатория со старых пожелтевших фотографий глядят знакомые нам лица!

«Создание в госпитале научного коллектива в условиях первых тяжелых лет войны было делом нелегким: надо было не только руководить комплексной лечебной и научной работой, но и сочетать ее с организационной практикой ... В этот период обнаружился не только организаторский талант Лурия, но и его глубокая человечность. Он вникал во все трудности жизни своих сотрудников, оказывая им постоянную помощь, что тогда было очень ценно» (Зейгарник, Рубинштейн, 2020, С. 75) (рис. 9, 10).

Блюма Вульфовна Зейгарник
г.Кисегач, ВОВ

Рис. 9. Фотография из музея санатория Кисегач.

Рис. 10. Собрание сотрудников госпиталя. Второй слева А.Р. Лурия. В заднем ряду у стенки Б.В. Зейгарник.

Спустя десятилетия

По прошествии нескольких десятилетий со дня окончания Великой Отечественной войны А.Р. Лурия, можно

сказать, «вернулся» на Урал. В 2017 г. В Екатеринбурге – столице Урала состоялся V Международный Конгресс памяти А.Р. Лурия, посвященный 115-летию со дня рождения и 40-летию со дня смерти Александра Романовича Лурия. Он был проведен с 13 по 16 октября. V Международный Конгресс памяти А.Р. Лурия стал самым масштабным среди всех Луриевских конгрессов, организуемых с 1997 года каждые 5 лет: 504 участника из 32 городов России и 24 зарубежных стран (рис. 11).

Рис. 11. Открытие конгресса.

Участникам конгресса была предоставлена уникальная возможность посетить Кисегач, провести там мемориальное заседание, пройти по Аллее Памяти, по берегу озера – тем местам, которые еще хранят память о наших великих Учителях. А ночь в первом корпусе, где был эвакуогоспиталь, где сейчас, кроме палат санатория, сохраняется бывшая послеоперационная палата (рис. 3), а в музее санатория со старых пожелтевших фотографий глядят знакомые нам лица! Мало кто смог заснуть в эту ночь. Для многих из нас настоящим потрясением (можно сказать, сенсорным шоком) была возможность зайти и пообедать в столовой, где ели ра-

боты, в столовой, сохранившей свой первоначальный вид (рис. 12). И конечно, все захотели сфотографироваться на фоне мемориальной доски в память об А.Р. Лурии (рис. 13, 14).

Рис. 12. Первый корпус санатория. Столовая.

Рис. 13. У мемориальной доски. Слева направо: В.М. Поляков (Иркутск), Б. Котик-Фридрих (Иерусалим), Ж. Пеня-Казанова (Барселона), Т.В. Ахутин (Москва), А. Ардила (Майями), Ж.М. Глозман (Москва).

Рис. 14. Бразильская делегация у мемориальной доски.

Честь возложения цветов к мемориальной доске А.Р. Лурия в Кисегаче была

предоставлена самым юным участникам Конгресса Анастасии Агрис (Москва) и Камилле Салибе (Бразилия) (рис. 15).

Рис. 15. Возложение цветов к мемориальной доске Александра Романовича Лурия

Мемориальное заседание проходило в той самой комнате, где когда-то по воспоминаниям Леночки Лурия раненные солдаты стояли возле карты: переговаривались, спорили и верили, что уже скоро победа (рис. 16).

Рис. 16. Мемориальное заседание в первом корпусе санатория Кисегач.

Первый доклад об истории санатория и госпиталя сделал директор санатория Сорокун Валерий Иванович, доктор медицинских наук, заслуженный врач РФ, благодаря усилиям которого и были созданы музей и Аллея Памяти (рис. 17).

Рис. 17. Выступает В.И. Сорокун

Очень созвучно современной гуманистической психологии прозвучали слова доклада Валерия Ивановича: «В эти годы коллектив госпиталя создал морально-нравственную атмосферу вселенской всечеловечности, коллективизма и соборности, взаимопомощи, сочувствия и сострадания, в последующее время так ярко и наглядно проявившееся в духовности всего нашего народа. Именно духовно-нравственные начала, воплощенные в жизненные смыслы, являются сегодня нашими жизненными ориентирами и демонстрируют непоколебимое всеисие».

Доклад Т.В. Ахутиной был основан на воспоминаниях Елены Лурия о жизни и работе семьи в Кисегаче (рис. 17). А в конце доклада слушателей ждал сюрприз. Татьяна Васильевна положила на стол сохранившийся в архивах рукописный дневник А.Р. Лурия, который он вел в Кисегаче (рис. 18, 19). Расшифровка дневника опубликована в 1-м и 2-м номерах Луриевского Журнала (Akhutina, Pylaeva, 2020).

Рис. 18. Доклад Т.В. Ахутиной

Рис. 19. Дневник А.Р. Лурия в Кисегаче

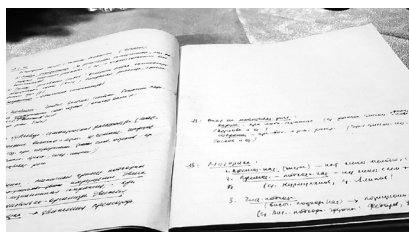

Рис. 20. Страница дневника А.Р. Лурия

И конечно, все участники мемориального заседания выстроились в очередь к столу, чтобы сфотографировать эту реликвию (рис. 21). Но никто (!) не осмелился прикоснуться к этой святыни.

Рис. 21. У дневника А.Р. Лурия.

Таким образом, мемориальное заседание в Кисегаче имело не только информационную, но и эмоциональную ценность. И лучше всего об этом сказала американская психолог М. Россели: «Лурия был здесь с нами».

Заключение

Мне хочется подчеркнуть в заключение взаимообогащение теоретических и прикладных областей психологии идеями, методами и фактами. Это взаимодействие отвечает логике развития отечественной психологии. Как сказал В.П. Зинченко в своем предисловии к Избранным психологическим произведениям А.Н. Леонтьева: «... строительство новой психологии начиналось не с теории, а с практики ... Теория была для них средством, а не целью» (Зинченко, 1983, С. 9). И дело не только в том, что патология раскрывает то, что скрыто в норме, но и в том, что анализ нарушений психического функционирования невозможен без системного подхода

Дело не только в том, что патология раскрывает то, что скрыто в норме, но и в том, что анализ нарушений психического функционирования невозможен без системного подхода к выявляемым фактам. Именно медицинская психология формирует в первую очередь принцип системности в психологической науке. Психологи, сотрудники госпиталя, неизменно стремились теоретически осмысливать опыт своей работы, давать психологический анализ выявляемых факторов

к выявляемым фактам. Именно медицинская психология формирует в первую очередь принцип системности в психологической науке. Психологи, сотрудники госпиталя, неизменно стремились теоретически осмысливать опыт своей работы, давать психологический анализ выявляемых факторов.

тах с большим теоретическим запасом. К началу 1940-х гг. были выработаны основные методологические установки и принципы, на базе которых в психологии и сопряженных с ней физиологии и психофизиологии в основном сложились крупные научные школы. Это школа В.М. Бехтерева, психология установки Д.Н. Уз-

Работы психологов МГУ в годы ВОВ оказали важное влияние и на развитие медицины. Именно благодаря работам психологов, в медицину был введен принцип: лечить надо не рану (болезнь), а раненого (больного)

Психологи МГУ (в 1941 году институт психологии МГУ, выведенный из состава МГУ в 1926 г., вновь вошел в состав философского факультета МГУ, и его директором стал А.Н. Леонтьев, а госпиталь в Коуровке был филиалом Московского государственного института психологии МГУ) пришли к работе в эвакуогоспи-

таде, культурно-историческая психология, деятельностный подход в его разных вариантах, физиология И.П. Павлова, теория функциональных систем П.К. Анохина, принцип доминанты А.А. Ухтомского с его широким применением к изучению психологических проблем человека, новаторские исследования движений челове-

ка» (Ждан, 2015, С. 4,5) На основе исследования процессов реабилитации была сформирована впоследствии теория деятельности А.Н. Леонтьева.

Работы психологов МГУ в годы ВОВ оказали важное влияние и на развитие медицины. Именно благодаря работам психологов, в медицину был введен принцип: лечить надо не рану (болезнь), а раненого (больного). «Этот принцип, – писал генерал-полковник медицинской службы Е.А. Смирнов в своем предисловии к книге А.Н. Леонтьева и А.В. Запорожца «Восстановление движения» – должен быть положен в основу деятельности всех медицинских специалистов ... Познакомившиеся с работой А.Н. Леонтьева и А.В. Запорожца не смогут фиксировать внимание только на пораженном органе или нарушенной функции, игнорируя психологический фактор и отражение в сознании пострадавшего причиненного ему увечья» (Леонтьев, Запорожец, 1945, С. 3,4).

Талант и гуманизм ученых, психологов и врачей закономерно воплотился в результаты деятельности госпиталя, выразившиеся в тысячах жизней раненых бойцов, в их возвращении в ряды защитников Отечества.

«Работа, выполнявшаяся психологами в годы войны, была нужна стране, она принесла облегчение и пользу многим людям, самим психологам позволила узнать много нового об изучаемом ими человеке. Хочется, однако, надеяться, что этот опыт останется исключительно теоретическим достоянием психологии, и психологам никогда не придется заниматься восстановительным обучением раненых» (Зейгарник, Рубинштейн 2020, С. 78).

И последнее, что хочется подчеркнуть, что психологическая наука, которую строили в эвакуогоспиталях Коуровки и Кисегача была воистину университетской наукой, сохранявшей традиции университетской психологии. Недаром V Международный Конгресс памяти А.Р. Лурия открыл международный гимн студентов «Гаудеамус» (рис. 22).

Рис. 22. Студенты УРФУ исполняют «Гаудеамус».

Литература:

- Бейн Э.С. Афазия и пути ее преодоления. – Ленинград : Медицина, 1964.
Глозман Ж.М. Нам судьба обязана счастьем. – Москва : Смысл, 2015. – 460 с.
Глозман Ж.М., Киселев С.Ю. Лурия опять на Урале // Вопросы психологии. – 2017. – № 6. – С. 155–156.
Егоренкова И.И., Манаенкова Е.М. Исследования и практические разработки по восстановлению боеспособности раненых // Медсестра. – 2015. – № 5. – С. 41–52.

Для цитирования: Глозман Ж.М. Узелки памяти. Деятельность отечественных психологов в военные годы // Национальный психологический журнал. – 2020. – № 2(38). – С. 54–62. doi: 10.11621/npj.2020.0205

For citation: Glozman J.M. (2020). Memory knots. Work of Russian psychologists in the war years. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], (13)2, 54–62. doi: 10.11621/npj.2020.0205

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2020
© Russian Psychological Society, 2020

- Ждан А.Н. Фундаментальная наука и практика в советской психологии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2015. – № 2. – С. 4–14.
- Запорожец А.В., Рубинштейн С.Я. Методика восстановительной трудотерапии при ранении верхних конечностей. – Челябинск : Медгиз, 1942.
- Зейгарник Б.В. Нарушение спонтанности при военных травмах лобных долей мозга // Неврология военного времени / под ред. Н.И. Гращенкова. – Москва : Изд-во АМН СССР, 1949. – С. 218–229.
- Зейгарник Б.В., Рубинштейн С.Я. Психология в годы войны // Человеческий капитал. – 2020. – № 4(136). – С. 75–79.
- Зинченко В.П. Предисловие // А.Н. Леонтьев Избранные психологические произведения. – Москва : Смысл, 1983. – С. 1–10.
- Леонтьев А.А. Жизненный и творческий путь А.Н. Леонтьева. – Москва : Смысл, 2003.
- Леонтьев А.Н., Запорожец А.В. Восстановление движения. Психофизиологическое исследование восстановления функций руки после ранения. – Москва : Советская наука, 1945.
- Лурия А.Р. Травматическая афазия. – Москва : Изд-во АМН СССР, 1947.
- Лурия А.Р. Восстановление функций мозга после военной травмы. – Москва : Изд-во АМН СССР, 1948.
- Лурия А.Р. Этапы пройденного пути : научная биография. – Москва : Изд-во МГУ, 1982.
- Лурия Е.А. Мой отец А.Р. Лурия. – Москва : Гнозис, 1994.
- Психология. Вопросы восстановления психофизиологических функций / под ред. С.Л. Рубинштейна // Ученые записки МГУ. – 1947. – Вып. 111.
- Рубинштейн С.Я. Экспертиза и восстановление трудоспособности после военных травм мозга // Неврология военного времени / под ред. Н.И. Гращенкова. – Москва : Изд-во АМН СССР, 1949. – С. 294–308.
- Рубинштейн С.Л. Советская психология в условиях Отечественной войны // Сергей Леонидович Рубинштейн: очерки, воспоминания, материалы. – Москва : Наука, 1989. – С. 374–395.
- Akhutina, T.V., & Pylaeva N.M. (2020). Luria in Kisegach. *Lurian Journal*, 1,

References:

- Akhutina T.V., & Pylaeva N.M. (2020). Luria in Kisegach. *Lurian Journal*, 1.
- Bane E.S. (1964). Aphasia and ways to overcome it. Leningrad: Meditsina.
- Glozman Zh.M. (2015). Fate owes us happiness. Moscow: Smysl, 460.
- Glozman Zh.M., & Kiselev S.Yu. (2017). Luria is in the Urals again. [*Voprosy psikhologii*], 6, 155–156.
- Egorenkova I.I., & Manaenkova E.M. (2015). Research and practical development for the restoration of combat preparedness of the wounded. [*Medsestra*], 5, 41–52.
- Zhdan A.N. (2015). Fundamental science and practice in Soviet psychology during the Great Patriotic War (1941–1945). [*Vestnik Moskovskogo universiteta*], Series 14. Psychology, 2, 4–14.
- Zaporozhets A.V., & Rubinstein S.Ya. (1942). Methods of restorative occupational therapy for injuries of the upper limbs. Chelyabinsk: Medgiz.
- Zeigarnik B.V. (1949). Violation of spontaneity in military injuries of the frontal lobes of the brain. In N.I. Grashchenkov (ed.). [*Nevrologiya voennogo vremeni*]. Moscow: Izdatel'stvo AMN SSSR, 218–229.
- Zeigarnik B.V., & Rubinstein S.Ya. (2020). Psychology during the war. [*Chelovecheskiy kapital*], 4 (136), 75–79.
- Zinchenko V.P. (1983). Foreword. In A.N. Leontiev [*Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya*]. Moscow: Smysl, 1–10.
- Leontiev A.A. (2003). Life and career A.N. Leontiev. Moscow: Smysl.
- Leontiev A.N., & Zaporozhets A.V. (1945). Motion recovery. Psychophysiological study of the restoration of hand function after injury. Moscow: Sovetskaya nauka.
- Luria A.R. Traumatic aphasia. Moscow: Publishing House of the Academy of Medical Sciences of the USSR, 1947.
- Luria A.R. (1948). Recovery of brain functions after a military injury. Moscow: Izdatel'stvo AMN SSSR.
- Luria A.R. (1982). Stages of the path traveled: scientific biography. Moscow: Izdatel'stvo MGU.
- Luria E.A. (1994). My father A.R. Luria. Moscow: Gnosis.
17. Rubinstein S.L. (ed.) (1947). Psychology. Issues of restoration of psychophysiological functions. [*Uchenye zapiski MGU*], 111.
18. Rubinstein S.Ya. (1949). Examination and rehabilitation after military injuries of the brain. In N.I. Grashchenkov (ed.). [*Nevrologiya voennogo vremeni*], Moscow: Izdatel'stvo AMN SSSR, 294–308.
19. Rubinstein S.L. (1989). Soviet psychology in the conditions of World War II. [*Sergey Leonidovich Rubinstein: esse, memuary, materialy*]. Moscow: Nauka, 374–395.